

Иван Тургенев

Рассказ отца Алексея

Иван Тургенев
Рассказ отца Алексея

«Public Domain»

1877

Тургенев И. С.

Рассказ отца Алексея / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1877

К 17 февраля 1877 г. Тургенев завершил перевод «Легенды о св. Юлиане Милостивом» Флобера и начал переводить другую его легенду – «Иродиада». Параллельно с переводами этих колоритных «готических» легенд Тургенев написал, по его собственному определению в письме к Стасюлевичу от 18 марта 1877 г., «небольшой, тоже легендообразный рассказ», содержание которого было почерпнуто им из его старых отечественных воспоминаний. В том же письме к Стасюлевичу, обещая выслать рассказ для «Вестника Европы» вместе с «Иродиадой», Тургенев указал его жизненный источник, определил его тему и художественные контуры. «Боюсь я, однако, – писал Тургенев, – как бы ценсура не нашла затруднений... эта штука озаглавлена „Рассказ священника“, и в ней совершенно набожным языком передается (действительно сообщенный мне) рассказ одного сельского попа о том, как сын его подвергся наущению дьявола (галлюцинации) – и погиб. Колорит, кажется, сохранен верно – но там есть святотатство...»

© Тургенев И. С., 1877

© Public Domain, 1877

Иван Сергеевич Тургенев

Рассказ отца Алексея

... Лет двадцать тому назад мне пришлось объехать – в качестве частного ревизора – все, довольно многочисленные, имения моей тетки. Приходские священники, с которыми я считал своей обязанностью познакомиться, оказывались личностями довольно однообразными и как бы на одну мерку сшитыми; наконец, чуть ли не в последнем из обозренных мною имений, я наткнулся на священника, не похожего на своих собратьев. Это был человек весьма старый, почти дряхлый; и если бы не усиленные просьбы прихожан, которые его любили и уважали, он бы давно отпросился на покой. Меня поразили в отце Алексее (так звали священника) две особенности. Во-первых, он не только ничего не выпросил для себя, но прямо заявил, что ни в чем не нуждается, а во-вторых, я ни на каком человеческом лице не видывал более грустного, вполне безучастного, – как говорится, – «убитого» выражения. Черты этого лица были обыкновенные, деревенского типа: морщинистый лоб, маленькие серые глазки, крупный нос, борода клином, кожа смуглая и загорелая... Но выражение!.. выражение!.. В тусклом взгляде едва – и то скорбно – теплилась жизнь; и голос был какой-то тоже неживой, тоже тусклый. Я занемог и пролежал несколько дней; отец Алексей заходил ко мне по вечерам – не беседовать, а играть в дурачки. Игра в карты, казалось, развлекала его еще больше, чем меня. Однажды, оставшись несколько раз сряду в дураках (чему отец Алексей порадовался немало), я завел речь о его прошлой жизни, о тех горестях, которые оставили на нем такой явный след. Отец Алексей сперва долго упирался, но кончил тем, что рассказал мне свою историю. Я ему, должно быть, чем-нибудь да полюбился; а то бы он не был со мною так откровенен.

Я постараюсь передать его рассказ его же словами. Отец Алексей говорил очень просто и толково, без всяких семинарских или провинциальных замашек и оборотов речи. Я не в первый раз заметил, что сильно поломанные и смирившиеся русские люди всех сословий и званий выражаются именно таким языком.

– ...У меня была жена добрая и степенная, – так начал он, – я ее любил душевно и прижил с нею восемь человек детей; но почти все умерли в младых летах. Один мой сын вышел в архиереи – и скончался не так давно у себя в епархии; о другом сыне – Яковом его звали – я вот теперь расскажу вам. Отдал я его в семинарию, в город Т...; и скоро стал получать самые утешительные о нем известия: первым был учеником по всем предметам! Он и дома, в отрочестве, отличался прилежанием и скромностью; бывало, день пройдет – и не услышишь его... всё с книжкой сидит да читает. Никогда он нам с попадьею не причинил неприятности самаднейшей; смиренник был. Только иногда задумывался не по летам и здоровьем был слабенец. Раз с ним чудное нечто произошло. Десять лет ему тогда минуло. Отлучился он из дому – под самый Петров день – на зорьке, да почти целое утро пропадал. Наконец воротился. Мы с женой спрашиваем его: «Где был?» – «В лес, говорит, гулять ходил – да встретил там некоего зеленого старичка, который со мною много разговаривал и такие мне вкусные орешки дал!» – «Какой такой зеленый старичок?» – спрашиваем мы. «Не знаю, говорит, никогда его доселе не видывал. Маленький старичок, с горбиною, ножками всё семенит и посмеивается – и весь, как лист, зеленый». – «Как, – говорим мы, – и лицо зеленое?» – «И лицо, и волосы, и самые даже глаза». Никогда наш сын не лгал; но тут мы с женой усомнились. «Ты, чай, заснул в лесу, на припеке, да и видел старичка того во сне». – «Не спал я, говорит, николи; да что, говорит, вы не верите? – Вот у меня в кармане и орешек один остался». Вынул Яков из кармана тот орешек, показывает нам... Ядрышко небольшое вроде каштанчика, словно шероховатое; на наши обыкновенные орехи не похоже. Я его спрятал, хотел было доктору показать... да запропастилось оно... не нашел потом.

Ну-с, отдали мы его в семинарию – и, как я вам уже докладывал, веселил он нас своими успехами! Так мы с супругой и полагали, что выйдет из него человек! На побывку домой придет – любо на него глядеть: такой благообразный, озорства за ним никакого; всем-то он нравится, все нас поздравляют. Только всё телом худенек – и в лице настоящей краски нет. Вот уже девятнадцатый год ему наступил – скоро ученью конец! И получаем мы тут вдруг от него письмо. Пишет он нам:

«Батюшка и матушка, не прогневайтесь на меня, разрешите мне идти по-светскому; не лежит сердце мое к духовному званию, ужасаюсь я ответственности, боюсь греха – сомнения во мне возродились! Без вашего родительского разрешения и благословения ни на что не отважусь – но скажу вам одно: боюсь я самого себя, ибо много размышлять начал».

Доложу я вам, милостивый государь: опечалился я гораздо от этого письма – словно рогаатиной мне против сердца толкнуло – потому, вижу: не будет мне на моем месте преемника! Старший сын – монах; а этот вовсе из своего звания выступить желает. Горько мне еще потому: в нашем приходе близко двухсот годов всё из нашей семьи священники живали! Однако думаю: нечего против рожна переть; знать, уж такое ему предопределение вышло. Что уж за пастырь, коли сомнение в себе допустил! Посоветовался я с женою – и написал ему в таком смысле:

«Сын мой, Яков, одумайся хорошенько – десять раз примерь, один раз отрежь – трудности на светской службе пребывают великие, холод да голод, да к нашему сословию пренебрежение! И знай ты наперед: никто руку помощи тебе не подаст; не пеняй потом, смотри! Желание мое, ты сам знаешь, всегда было такое, чтобы ты меня заменил; но ежели ты точно в своем призвании усомнился и пошатнулся в вере – то и удерживать тебя мне не приходится. Буди воля господня! Мы с матерью твоею в благословении тебе не отказываем».

Отвечал мне Яков благодарственным письмом. «Обрадовал ты меня, мол, батюшка; есть мое намерение посвятить себя ученому званию – и протекция у меня есть; поступлю в университет, буду доктором; потому – к науке большую склонность чувствую».

Прочел я Яшино письмо и पुще опечалился; а поделиться горем скоро стало не с кем: старуха моя о ту пору простудилась сильно и скончалась – от этой ли самой простуды, или господь ее, любя, прибрал – неизвестно. Заплачу, заплачу я, бывало, вдовец одинокий – а что поделаешь? Так тому, знать, и быть. И рад бы в землю уйти... да тверда она... не расступается. А сам сына поджидаю; потому – он известил меня: «Прежде, мол, чем в Москву поеду, домой наведаюсь». И точно: приехал он в родительский дом – но только пожил в нем недолго. Словно что его торопило: так бы, кажись, на крылах полетел в Москву, в университет свой любезный! Стал я расспрашивать его о сомнениях – какая, дескать, причина? – но и разговоров больших от него не услышал: одна мысль затесалась в голову – и полно! Ближним, говорит, хочу помогать. Ну-с, поехал он от меня – почитай, что ни гроша с собой не взял, только малость из платья. Уж очень он на себя надеялся! И не попусту. Экзамен выдержал отлично, в студенты поступил, уроки по частным домам приобрел... Тверд он был в древних-то языках! И как вы полагаете? Мне же деньги высылать вздумал. Повеселел я маленько – конечно, не из-за денег – я их ему назад отослал и побранил его даже; а повеселел, потому что вижу: путь в малом будет. Только недолго длилось мое веселье!

Приехал он на первые вакации... И что за чудо! Не узнаю я моего Якова! Скучный такой стал, угрюмый – слова от него не добьешься. И в лице переменялся: почитай, на десять лет постарел. Он и прежде застенчив был, что и говорить! Чуть что – сейчас заробеет и покраснеется весь, как девица... Но поднимет он глаза – так ты и видишь, что светлехонько у него на душе! А теперь не то. Не робеет он – а дичится, словно волк, и глядит всё исподлобья. Ни тебе улыбки, ни тебе привета – как есть камень! Примусь я его расспрашивать – либо молчит, либо огрызается. Стал я думать: уж не запил ли он – сохрани бог! либо к картам пристрастья не получил ли? или вот еще насчет женской слабости не приключилось ли что? В юные лета присухи действуют сильно – ну, да в таком большом городе, как Москва, не без худых примеров и

оказий! Однако нет: ничего подобного не видать. Питье его – квас да вода; на женский пол не взирает – да и вообще с людьми не знается. И что мне было горше всего: нету в нем прежнего доверья ко мне – равнодушие какое-то проявилось: точно ему всё свое опостылело. Заведу я беседу о науках, об университете – и тут настоящего ответа добиться не могу. В церковь он, однако, ходил, но тоже не без странности: везде-то он суров да хмур – а тут, в церкви-то, всё словно ухмыляется. Пожил он у меня таким манером недель с шесть – да опять в Москву! Из Москвы написал мне раза два – и показалось мне из его писем, будто он опять приходит в чувство. Но представьте вы себе мое удивление, милостивый государь! Вдруг в самый развал зимы, перед святками – является он ко мне! Каким манером? Как? Что? Знаю я, что об эту пору вакаций нет. «Ты из Москвы?» – спрашиваю я. – «Из Москвы». – «А как же... Университет-то?» – «Университет я бросил». – «Бросил?» – «Точно так». – «Навсегда?» – «Навсегда». – «Да ты, Яков, болен, что ли?» – «Нет, говорит, батюшка, я не болен; а только вы, батюшка, меня не тревожьте и не расспрашивайте; а то я отсюда уйду – только вы меня и видали». Говорит мне Яков: не болен – а у самого лицо такое, что я даже ужаснулся! Страшное, темное, не человеческое словно! Щеки этта подтянуло, скулы выпятились, кости да кожа, голос как из бочки... а глаза... Господи владыко! Что это за глаза? Грозные, дикие, всё по сторонам мечутся – и поймать их нельзя; брови сдвинуты, губы тоже как-то набок скрючены... Что случилось с моим Иосифом прекрасным, с тихоней моим? Ума не приложу. «Уж не рехнулся ли он?» – думаю я так-то. Скитается, как привидение, по ночам не спит, а то вдруг возьмет да уставится в угол и словно весь окоченеет... Жутко таково! Хоть он и грозил мне, что уйдет из дому, если я его в покое не оставлю, но ведь я отец! Последняя моя надежда разрушается – а я молчи? Вот однажды, улуча время, стал я слезно молить Якова, памятью покойницы его матери заклинать его стал: «Скажи, мол, мне, как отцу по плоти и по духу, Яша, что с тобою? Не убивай ты меня – объяснись, облегчи свое сердце! Уж не загубил ли ты какую христианскую душу? Так покайся!» – «Ну, батюшка, – говорит он мне вдруг (а дело-то пришлось к ночи), – разжалобил ты меня; скажу я тебе всю правду! Души я никакой не загубил – а моя собственная душа пропадает». – «Каким это образом?» – «А вот как... – И тут Яков впервые на меня глаза поднял... – Вот уже четвертый месяц», – начал он... Но вдруг у него речь оборвалась – и тяжело дышать он стал. «Что такое четвертый месяц? Сказывай, не томи!» – «Четвертый месяц, как я его вижу». – «Его? Кого его?» – «Да того... что к ночи называть неудобно». Я так и похолодел весь и затрясся. «Как?! – говорю, – ты *его* видишь?» – «Да». – «И теперь видишь?» – «Да». – «Где?» А сам я и обернуться не смею – и говорим мы оба шёпотом. «А вон где... – И глазами мне указывает... – вон, в углу». Я таки осмелился... глянул в угол: ничего там нету! «Да там ничего нет, Яков, помилуй!» – «Ты не видишь – а я вижу». Я опять глянул... опять ничего. Вспомнился мне вдруг старичок в лесу, что каштанчик ему подарил. «Какой он из себя? – говорю... – зеленый?» – «Нет, не зеленый, а черный». – «С рогами?» – «Нет, он как человек – только весь черный». Яков сам говорит, а у самого зубы оскалились – и побледнел он, как мертвец, и жметя он ко мне со страху; а глаза словно выскочить хотят – и глядит он всё в угол. «Да это тень тебе мерещится, – говорю я, – это чернота от тени, а ты ее за человека принимаешь». – «Как бы не так! Я и глаза его вижу: вон он ворочает белками, вон руку поднимает, зовет». – «Яков, Яков, ты бы попробовал, помолился: наваждение это бы рассеялось. Да воскреснет бог и расточатся врази его!» – «Пробовал, говорит, да ничего не действует». – «Постой, постой, Яков, не малодушествуй; я ладаном покурю, молитву почитаю, святой водой кругом тебя окроплю». Яков только рукой махнул. «Ни в ладан я твой не верю, ни в воду святую; не помогают они ни на грош. Мне с *ним* теперь уж не расстаться. Как пришел он ко мне нынешним летом в один проклятый день – так с тех пор уж он мой гость неизменный, и выжить его нельзя. Ты это знай, отец, и больше моему поведению не дивись – и меня не мучь». – «В какой же это день пришел он к тебе? – спрашиваю я его, а сам всё его крещу. – Уж не тогда ли, когда ты о сомнении писал?» Яков отвел мою руку. «Оставь ты меня, говорит, батюшка, не

вводи ты меня в досаду, чтобы хуже чего не было. Мне ведь на себя и руку наложить недолго». Можете себе представить, милостивый государь, каково мне было это слушать!.. Помнится, я всю ночь проплакал. «Чем, думаю, заслужил я такой гнев господень?»

Тут отец Алексей достал из кармана клетчатый носовой платок и стал сморкаться – да, кстати, утер украдкой глаза.

– Худое пошло тогда наше житье! – продолжал он. – Уж я только об одном и думаю: как бы он не сбег или, сохрани господи, в самом деле над собою какого зла не учинил! Караулю я его на каждом шагу – а в разговор и вступать-то боюсь. И проживала в ту пору вблизи нас соседка, полковница, вдова, – Марфой Савишной ее звали; большое я к ней уважение питал – потому женщина рассудительная и тихая, даром, что молодая и собой пригожая; хаживал я к ней часто – и она моим званием не гнушалась. С горя да с тоски, не зная, что уж и придумать, я возьми да всё ей и расскажи. Сперва она очень ужаснулась и даже всполошилась вся; а потом раздумье на нее нашло. Долго она изволила сидеть этак молча; а потом пожелала сына моего видеть и побеседовать с ним. И почувствовал я тут, что беспреречно мне следует исполнить ее волю; ибо не женское любопытство в этом случае действует, а нечто иное. Вернувшись домой, стал я убеждать Якова: «Поди, мол, со мною к госпоже полковнице». Так он и руками и ногами! «Не пойду, говорит, ни за что! О чем я с ней буду беседовать!» Даже кричать на меня стал. Однако я, наконец, уломал его – и, запрягши саночки, повез его к Марфе Савишне, да, по уговору, оставил его с нею наедине. Самому мне удивительно, как это он скоро согласился? Ну, ничего, – посмотрим. Часа через три или четыре возвращается мой Яков. «Ну, – спрашиваю я, – как тебе соседка наша понравилась?» Ничего он мне не отвечает. Я опять его пытаю. «Добродетельная, говорю, дама... Обласкала, чай, тебя?» – «Да, говорит, она не как прочие». Вижу я, он как будто помягче стал. И решился я тут его спросить... «А наваждение, говорю, как?» Глянул Яков на меня, как кнутом стеганул, – и опять ничего не промолвил. Не стал я его больше тревожить, убрался из комнаты вон; а час спустя подошел я к двери, посмотрел сквозь замочную скважину... И что же вы думаете? – спит мой Яков! Лег на постельку и спит. Перекрестился я тут несколько раз кряду. Пошли, мол, господь, всякой благодати Марфе Савишне! Видно, сумела, голубушка, ожесточенное его сердце тронуть!

На следующий день, смотрю, берет Яков шапку... Думаю – спросить его: куда, мол, идешь? – да нет, лучше не спрашивать... наверное к ней!.. И точно – к ней, к Марфе Савишне отправился Яков и еще дольше прежнего у ней просидел; а на следующий день – опять! А там через день – опять! Начал я воскресать духом; потому вижу: происходит в сыне перемена, – и лицо у него другое стало – и в глаза ему глядеть стало возможно: не отворачивается. Унылость всё в нем та же, да отчаянности прежней, ужаса прежнего нет. Но не успел я ободриться маленько, как опять всё разом оборвалось! Опять одичал Яков, опять приступить к нему нельзя. Сидит, запершись, в каморке – и полно ходить к полковнице! «Неужто, думаю, он ее чем-нибудь обидел – и она ему от дому отказала? Да нет, думаю... он хоть и несчастный, но на это не отважится; да и она не такая!» Не вытерпел я, наконец, – спрашиваю я у него: «А что, Яков, – соседка наша... Ты, кажется, ее совсем позабыл?» А он как гаркнет на меня: «Соседка? Или ты хочешь, чтобы *он* смеялся надо мною?» – «Как?» – говорю. Так он тут даже кулаки стиснул... освирипел вовсе! «Да! – говорит, – прежде он только так торчал, а теперь смеяться начал, зубы скалит! – Прочь! уйди!» Кому он эти слова обращал – я уж и не знаю; едва ноги меня вынесли – до того я перепугался. Вы только представьте: лицо, как медь красная, пена у рта, голос хриплый, словно кто его давит!.. И поехал я – сирота-сиротою – в тот же день к Марфе Савишне... В большой ее застал печали. Даже в теле она изменилась: похудел лик. Но разговаривать со мной о сыне она не захотела. Только одно сказала: что никакая тут людская помощь действительно быть не может; молитесь, мол, батюшка! А там вынесла мне сто рублей. «Для бедных и больных вашего прихода», говорит. И опять повторила: «Молитесь!» Господи! как будто я и без того не молился – денно и ночью!

Отец Алексей тут снова достал платок и снова утер свои слезы – но уж не украдкой на этот раз – и, отдохнув немного, продолжал свою невеселую повесть.

– Покатались мы тут с Яковом, словно снежный ком под гору, и видать нам обоим, что под горою пропасть – а как удержаться – и что предпринять? И скрыть это не было никакой возможности: по всему приходу пошло смущение великое, что вот-де у священника сын оказывается бесноватым – и что следует-де начальство обо всем этом известить. И известили бы непременно, да прихожане мои – спасибо им! – меня жалели. Тем временем зима миновала – и наступила весна. И такую весну послал бог – красную да светлую, какой даже старые люди не запоминали: солнышко целый день, безветрие, теплынь! И пришла мне тут благая мысль: уговорить Якова сходить со мною на поклонение к Митрофанию, в Воронеж! «Коли, думаю, и это последнее средство не поможет, – ну, тогда одна надежда: могила!»

Вот сижу я однажды, перед вечерком, на крыльчке – а зорька разгорается на небе, жаворонки поют, яблони в цвету, муравка зеленеет... сижу и думаю, как бы сообщить мое намерение Якову? Вдруг, смотрю, выходит он на крыльцо; постоял, поглядел, вздохнул и прикорнул на ступеньке со мною рядышком. Я даже испугался на радости – но только молчок. А он сидит, смотрит на зарю – и тоже ни слова! И показалось мне, словно умиление на него нашло: морщины на лбу разгладились, глаза даже посветлели... еще бы, кажется, немножко – и слеза бы прошибла! Усмотревши таковую в нем перемену, я – виноват! – осмелился. «Яков, – говорю я ему, – выслушай ты меня без гнева...» Да и рассказал ему о моем намерении: как нам вдвоем к Митрофанию пойти – пешечком; а от нас до Воронежа верст полтора будет; и как оно приятно будет – вдвоем, весенним холодочком, до зорьки поднявшись, – идти да идти по зеленой травке, по большой дороге; и как, если мы хорошенько припадем да помолимся у раки святого угодника, быть может, – кто знает? господь бог над нами и смилуется – и получит он исцеление, чему уже многие бывали примеры! И представьте вы, милостивый государь, мое счастье! «Хорошо, – говорит Яков, – а сам не оборачивается, всё в небо смотрит, – я согласен. Пойдем». Я так и обомлел... «Друг, говорю, голубчик, благодетель!..» А он у меня спрашивает: «Когда же мы отправимся?» – «Да хоть завтра», говорю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.